

Г. Г. ЛИТАВРИН

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ВОССТАНИИ В ПАРИСТРИОНЕ И ОБРАЗОВАНИИ ВТОРОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА *

Греческий ученый Федон Малингудис известен как специалист, проявляющий особый интерес к проблеме славяно-византийских отношений. Одной из характерных особенностей его работ является также далеко не обычная, к сожалению, для современных греческих исследователей осведомленность в научной литературе социалистических стран.

Новая работа Ф. Малингудиса остро полемична. Автор поставил задачу рассмотреть наиболее спорные проблемы, связанные с образованием Второго Болгарского царства. В качестве самых важных и до сих пор, на его взгляд, неудовлетворительно решенных в научной литературе проблем он называет следующие: 1. Причины и характер восстания Петра и Асеня против византийских властей в Паристрионе; 2. Сравнительная роль в ходе восстания и степень участия в нем болгарского и владшского населения этой провинции империи; 3. Надежная датировка основных, связанных с восстанием событий начиная с осени 1185 и кончая летом 1190 г.

Поскольку главным источником при изучении указанной проблематики остаются сочинения Никиты Хониата (и прежде всего его «История»), сообщения этого автора по преимуществу и подвергаются анализу в исследовании Ф. Малингудиса.

В кратком введении к монографии (с. 53—58) автор формулирует свои основные методологические принципы и дает сжатую характеристику внутреннего и внешнеполитического положения Византийской империи в период, непосредственно предшествующий восстанию.

В первых же строках Малингудис подчеркивает отличие своей исследовательской позиции от подхода к проблеме, свойственного, по его мнению, историкам Болгарии и Румынии как в довоенный, так и в послевоенный период. Первая фраза труда греческого ученого — цитата из сочинения Н. Йорги: «Я много писал. . . и все то, что я писал, несовершенно, поскольку моей стране надлежит наверстать немало упущенного времени. Необходимо лучше знать себя, чтобы идти вперед». Поясняя это признание «мастера среди историографов европейского юго-востока», Малингудис считает, что оно дает «ключ к пониманию творчества всех тех историков последнего столетия, которые в поисках исторической самобытности¹ их нации открывали ее прошлое, а порою — как «добрые лжецы» — его изобретали» (с. 53).

Однако, говорит автор, это — лишь намек на «побочные задачи», неизбежные в работе такого рода, которую он предпринимает, — в дальнейшем, в ходе конкретного исследования, он постарается дать представление и об историографическом вкладе тех же историков.

* *Malingoudis Ph. Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des zweiten bulgarischen Staates. — BYZANTINA, 1978, 10, S. 49—148.*

¹ Так я в данном контексте пытаюсь передать значение употребленного автором термина «Identität» (с. 53).

Малингудис пишет о необходимости чрезвычайной осторожности и критичности при оценке как сведений Никиты Хониата (для средневекового писателя важно то, к чему мы утратили вкус, мы мыслим в категориях, которые ему чужды), так и заключений современных исследователей, в особенности если они представляют разные по национальности спорящие стороны. Поэтому автор ставит задачу не с тем, чтобы вынести однозначное решение, кто прав (болгарские или румынские исследователи), а с целью рассмотреть сведения источника в их исторической обусловленности. Амбивалентность, двойственность свидетельств Никиты Хониата о болгарях и влахах — мнима сама по себе, и стремление истолковать эту «дилемму» только в пользу одной стороны является «proton pseudos», так сказать, «исходным заблуждением» (с. 54—55).

Исключая слишком категорические и широкие обобщения Ф. Малингудиса относительно национально-психологических истоков концепций болгарских и румынских историков в целом, я бы признал методическую позицию автора вполне оправданной. Мало того, я считаю (и надеюсь показать это ниже), что тому подходу к сведениям «Истории» Никиты, о необходимости которого исследователь говорит, отнюдь не были чужды и критикуемые им авторы.

Монография Ф. Малингудиса, помимо введения, состоит из восьми глав, заключения, двух приложений-экскурсов и списка использованных источников и литературы, включающего одновременно и список принятых автором сокращений.

Для того чтобы отчетливее проследить ход рассуждений и доказательств автора, буду следовать порядку его изложения.

Прежде чем перейти к трактовке поставленных выше трех вопросов, Ф. Малингудис посвящает самую большую, первую главу («Византийские провинции Болгария и Паристрион. Позиция населения и восстания», с. 59—72) рассмотрению положения завоеванной Василием II Болгаробойцей страны и отношения этого населения к византийским властям и византийцам в течение всей предшествовавшей восстанию Асенидов эпохи византийского господства. В соответствии с аспектом исследования автор сосредоточил основное внимание на событиях, связанных с восстаниями в Болгарии и соседних с болгарскими землями районах в 1040—1041, 1066, 1072 гг. и с антивизантийским движением в Паристрионе в 70-х годах XI столетия.

Отмечу прежде всего такие заключения, которые представляются вполне обоснованными. Заключение эти не оригинальны, но Малингудис, как он подчеркивает во введении (с. 55), и не ставил непременно получение новых выводов своей главной целью. Повторяя уже известные выводы, исследователь нередко прямо ссылается на марксистскую историографию. К такого рода заключениям относятся, например, следующие выводы. Причинами восстания Петра Деляна Малингудис считает экономический (налоговый) гнет и стремление болгар к возрождению своего «национального» государства (с. 61—62). Коммутация натуральных налогов в денежные, осуществленная в конце 30-х годов XI в., означала, полагает автор, распространение на завоеванные земли общевизантийской налоговой системы и привела к увеличению податного гнета (с. 60). Помимо открытых выступлений против византийской власти, население прибегало к пассивным формам борьбы, в частности к отказу от уплаты налогов и выполнения повинностей (с. 61). Данные источников не позволяют заключить о каком-либо систематическом и целенаправленном правительственном курсе на «ромеизацию» (или «эллинизацию») местного населения в период византийского господства (с. 67—68). Хотя отдельные представители местной знати в четвертом или пятом поколении (после завоевания Болгарии) могли носить еще славянские имена, они, скорее всего, уже не были болгарами и, во всяком случае, не входили в состав болгарской аристократии (с. 64, прим. 24). Археологические культуры, подчеркивает автор (в том

числе культура, называемая «Дриду», или «проторумынская»), не могут служить надежным показателем этнической принадлежности их носителей; методологически оправданной этническая атрибуция археологической, материальной культуры может быть признана, на взгляд автора, лишь тогда, когда данные археологии совпадают для изучаемой территории с данными лингвистики и письменных источников (с. 71—72) ².

В этой же главе, однако, по ряду важных вопросов и при трактовке конкретных событий Ф. Малингудис высказывает решительное несогласие с болгарскими и румынскими исследователями, как и с автором этих строк.

Прежде всего Малингудис отвергает защищавшийся мною 20 лет назад тезис о том, что в Болгарии с конца 30-х годов XI в. налоговый гнет стал более тяжелым, чем в «исконных» провинциях с греческим населением. Нормы налогообложения, подчеркивает автор, были едиными во всех частях империи. Уточняя ныне свою позицию, я признаю, что официально центральной властью завышенных для болгар норм налоговых взысканий не существовало, но я по-прежнему считаю, что произвол налогового чиновничества (а следовательно, и общие размеры податей, поборов и повинностей) был на болгарских землях более ощутимым, чем на греческих, а права болгар, не знающих или плохо знающих законы и язык представителей власти, — менее обеспеченными. Об этом, на мой взгляд, свидетельствуют данные (в том числе писем Феофилакта Болгарского), рассмотренные мною в книге «Болгария и Византия в XI—XII вв.» Для того чтобы отстаивать это мнение, отнюдь не обязательно, как думает Ф. Малингудис, исходить из представления о «колониальной эксплуататорской политике» империи (что было бы, несомненно, грубой модернизацией) (с. 60, прим. 9). Кроме того, в налоговом правительственном курсе по отношению к тем или иным провинциям бывали и отклонения от общеимперских, для всех провинций одинаковых налоговых норм. Два таких случая приведены (но в указанном смысле не интерпретированы) в рассматриваемой работе греческого ученого.

В 1064—1065 гг. Фессалия была в числе провинций, налоги в которых были увеличены (говоря о восставших «болгарах», «влахах» и «лариссянах», Кекавмен пишет, что налоговые надбавки были сделаны, «для них» — ἐπ' αὐτοῖς) ³. Атталиат примерно под тем же годом пишет о волнениях населения в «епархиях», получивших налоговые надбавки ⁴. Собираясь пышно отпраздновать свою свадьбу с венгерской принцессой, Исаак II Ангел приказал в качестве дополнительного побора собрать мясной скот со всех провинций — овец, свиней и быков. «Но так как, — говорит Георгий Акрополит — более всех других вскармливает их [провинция] болгар, в большем разmere с нее и потребовали» ⁵. Мне уже приходилось подробно останавливаться на фразе из хрисовула Никифора III Вотаниата от 1079 г. о том, что «иноязычие» ивилов Афона было для местного чиновничества поводом для их притеснения ⁶.

По мнению автора, переход в Болгарии к «денежному хозяйству» (так он трактует упомянутую замену натурального налога денежным) был осуществлен не вдруг, а постепенно. Цитируя сообщение Иоанна Скилицы о том, что при Самуиле (т. е. до завоевания Болгарии) болгарин, имеющий упряжку волов, вносил в казну один модий пшепницы, столько же проса и один кувшин вина, а теперь должен был уплачивать вместо всего этого

² Как на пример такого совпадения данных археологии, топонимики и письменных памятников автор указывает на находки славянской керамики VI в. в Олимпии в Греции, сделанные 15 лет назад, наличие в этом районе древних славянских топонимов и сведения письменных источников о славянах на Пелопоннесе в конце VI в. (с. 72, прим. 59).

³ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. /Подгот. текста, введ., пер. и комм. Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 260. 17—18.

⁴ *Michaelis Attaliotae historia*. Bonnae, 1853, p. 77.1—41.

⁵ *Georgii Acropolitae opera*, rec. G. Heisenberg. Lipsiae, 1903, 1, p. 210.

⁶ *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 168.

деньги, Малингудис пишет, что реформа коснулась не широких слоев населения, но только «относительно зажиточного среднего слоя, так как не каждый владел парой волов» (с. 60, прим. 8).

Это ошибка. Реформа была обязательна, несомненно, для всех налогоплательщиков-земледельцев. «Зевгарь» Скилицы — лишь принятая в налоговой системе империи основная единица налогового исчисления (размеры налогообложения других имущественных категорий сельского населения оценивались по сравнению с обложением зевгарата) ⁷. Разумеется, и в Болгарии при Самуиле натуральные подати вносили не одни зевгараты.

Восстание в Фессалии в 1066 г., которое я и болгарские историки рассматривали как восстание по преимуществу болгар и влахов, хотя в нем приняли участие и греческие жители Лариссы, Фарсала и Трикалла, Малингудис считает антиналоговым выступлением представителей всех слоев населения, среди которых наиболее активными были греки (лариссцы) и вlahи. Болгар среди восставших было, по мнению автора, очень мало — они всего дважды упомянуты в рассказе Кекавмена. Ни антифеодальным, ни народно-освободительным это движение, резюмирует Малингудис, назвать нельзя: в нем участвовали и богатые люди, носители императорских титулов; греки и вlahи составляли большинство восставших (с. 62—63).

Малингудис отмечает, что в «Советах и рассказах» (Комментарий, с. 516—544) Г. Г. Литаврин, говоря о событиях 1066 г., «несколько смягчает свою позицию» (с. 63, прим. 22). Действительно, восставшие провозгласили Никулицу Дельфина, скорее всего, императором, а не царем Болгарии. Не столь однозначно, однако, следует заключать об отсутствии в восстании антифеодальных тенденций. Участие в восстании представителей знати вряд ли нужно рассматривать как решающий контраргумент: почти все крестьянские восстания средневековья носили царистский характер, едва ли можно назвать хотя бы одно, даже самое «крестьянское» восстание, в котором не приняли бы участие оппозиционно настроенные представители знати ⁸. В восстании 1066 г. к тому же мятежные аристократы помышляли о прекращении бунта в случае уступок императора и, едва получив от него «обещания чинов и много другого», приложили все силы к тому, чтобы ликвидировать восстание, несмотря на желание подавляющего большинства продолжать борьбу.

Что касается степени участия в восстании «болгар», то я хотел бы прежде всего уточнить здесь понимание этого этнонима. Кекавмен (а возможно, и сам Никулица Дельфин, описавший восстание в своих «мемуарах»), опираясь прежде всего на личный опыт общения со славянами в Болгарии и Фессалии, не видели существенной (этноязычной) разницы между ними. К тому же сравнительно не столь давно (при Самуиле) район восстания временно входил в состав Болгарии. Но данные о переселении славян в Фессалию в это время или после 1018 г. отсутствуют. Вполне вероятно, что эти «болгары» были потомками поселившихся здесь в VII в. славян, отнюдь, следовательно, еще не ассимилировавшихся (хотя процесс этот, несомненно, имел место и к XIII—XIV вв., видимо, завершился).

Заключать о степени участия «болгар» в восстании лишь потому, что они упомянуты в источнике 2 раза, а вlahи — 11 и лариссяне — 4 раза, по меньшей мере опрометчиво ⁹. Сам автор монографии считает лариссян наиболее активной и ведущей силой восстания (с. 63), а они упоминаются почти в три раза реже, чем вlahи. Столь же неосторожно считать всех ла-

⁷ Там же, с. 218—219.

⁸ О таких восстаниях в Византии в XI в. см.: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 282—283.

⁹ Кстати говоря, метод такого рода статистики этнонимов применялся как раз теми историками, которых критикует в своей монографии Ф. Малингудис, как критиковал их за это и я; см.: Литаврин Г. Г. Вlahи византийских источников X—XIII вв. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 99.

риссян (как и фарсальцев и трикаллитов) греками. В Лариссе жил влах, носивший славянское имя Веривой, в ней не могли не жить и славяне («болгары»), населявшие деревни близ города. Можно ли полностью пренебречь тем фактом, что, взяв Лариссу в 982—986 гг., Самуил переселил ее жителей в Подунавье, зачислил их в войско и «пользовался ими как союзниками против ромеев»? ¹⁰ Зачислять пленных в воинские контингенты (например, арабов) было в обычае и у византийцев. Но посылали ли этих воинов немедленно против своих соотечественников? Самуил же поступал именно так. Я не хочу сказать, что славяне Лариссы были болгарами по «самосознанию»: в течение четырех лет они выдерживали жестокую осаду войск болгарского царя Самуила. Но и их этническая близость к болгарам могла быть принята Самуилом во внимание, когда он зачислил их в свое войско и отправил на войну с византийцами. Во всяком случае, мне неизвестны факты участия *греческих* отрядов (а не отдельных лиц) в войнах Самуила против Византии.

Из рассказа Кекавмена о собрании мятежников в доме Веривоя Влаха следует, что здесь присутствовали горожане (лариссяне), пастухи (влахи) и земледельцы (неизвестно — кто). Далее сказано, что земледельцев и пастухов, решившихся было отказаться от восстания, лариссяне сумели переубедить, и едва через два-три часа, окончательно укрепившись в мысли взяться за оружие, они «снова пришли. . . все вместе, и влахи и болгары» ¹¹. Имелись ли у меня основания полагать, что земледельцы в данном случае — по преимуществу болгары? ¹² Ведь на упомянутом собрании Никулица выдвигал как главный довод против восстания настушение времени жатвы: народ может остаться без хлеба. Известно, что и горожане (лариссяне) сеяли и жали. Но не этих «земледельцев» пытался пугать гибелью урожая Никулица — лариссяне не проявляли никаких колебаний — они действительно были наиболее решительными сторонниками восстания. Мне кажется, что подобный контекст упоминания о «болгарах» в источнике важнее беглых, хотя и частых, упоминаний иных этнонимов в стилистически неловких и полных плеоназмов фразах.

Встав во главе восставших, Никулица с целью пополнения рядов повстанцев пришел в долину р. Плирис, где «собрал живущих в тех местах поблизости влахов и болгар, и к нему стеклось большое войско» ¹³. Можно ли с уверенностью говорить о том, что в долине, в деревнях, жило больше пастухов-влахов (в то время как их семьи и скот находились на летних пастбищах в горах), чем болгар-земледельцев? На мой взгляд, дело обстоит как раз наоборот. А ведь к Никулице здесь собралось «большое войско». И это (второе) упоминание о «болгарах» нельзя просто, как «безликую» единицу, учесть в общей формальной статистике этнонимов.

Малингудис обращает внимание и на то, что в повествовании Кекавмена не названы «архонты» восставших болгар, тогда как «архонты» влахов и лариссян упомянуты. Я не считаю слишком смелым сделанное мною 20 лет назад предположение, что у пастухов (влахов) были свои архонты, и свои (общие для лариссян и земледельцев) архонты имелись также у оседлых жителей ¹⁴.

Останавливаясь на восстании 1072 г., Малингудис опровергает главным образом три тезиса, встречающиеся в марксистской историографии. Во-первых, он считает необоснованным вывод, что среди причин поражения восстания сыграл свою роль раскол в среде болгарской знати во время восстания. Во-вторых, неубедительной ему представляется мысль об участии в борьбе против византийцев богомилов. В-третьих, нельзя, по его

¹⁰ Об этом см.: Советы и рассказы Кекавмена, с. 513.

¹¹ Там же, с. 259, 12—15.

¹² Литаврин Г. Г. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. — ВВ, 1956, 11, с. 127.

¹³ Советы и рассказы Кекавмена, с. 260, 7—9.

¹⁴ Литаврин Г. Г. Восстание болгар и влахов. . . , с. 132.

мнению, говорить о преследовании болгарской (славянской) культуры со стороны властей и греческих иерархов в период византийского господства (с. 64—68).

Единственным основанием для вывода о расколе во время восстания 1072 г. в среде местной знати Малингудис называет сообщение Продолжателя Скилицы о том, что в числе укрывшихся в Кастории от повстанцев знатных лиц находился носивший славянское имя Борис-Давид (с. 64, прим. 24). Даже если его считать болгарин (что отнюдь не очевидно, пишет автор, поскольку многие болгары, став византийцами и в четвертом, и в пятом поколении еще могли носить славянские имена), он уже не входил в состав «болгарской феодальной аристократии» (с. 64, прим. 24).

Готов согласиться: Борис-Давид признавал себя уже византийцем («ромеем»), хотя жил в среде своих единоплеменников и носил славянское (болгарское) имя, т. е. уже «денационализировался» («ромеизировался»). Конечно, его к этому непосредственно не принуждали. Но так вели себя далеко не все выходцы из среды знатных болгар: Георгий Войтех и другие «прухонты» Скопье были даже инициаторами восстания, хотя, как полагает автор, и их нельзя уже называть частью «болгарской знати», так как Болгарии не существовало. Не отдаст ли все это софистикой? Я считаю, что о расколе в среде болгарской по происхождению знати можно говорить уже потому, что часть ее мечтала о восстановлении независимого Болгарского государства и была готова к борьбе за это, а часть влилась в состав византийского господствующего класса и помышляла о карьере в имперской иерархии чинов и должностей ¹⁵.

О расколе болгарской знати можно говорить еще и потому, что в Касторию спаслись от повстанцев, по моему мнению, и другие видные болгары, а не один Борис-Давид. Сюда стеклись не только «ромеи», но и «державшие сторону ромеев» (οἱ τὰ Ῥωμαίων φρονούντες), как выразился Продолжатель Скилицы ¹⁶. Когда Войтех изменил делу восстания (не акт ли это также «раскола» в среде видных болгар?) и без сопротивления сдал Скопье военачальнику империи, он, пишет тот же автор, также оказался «державшим сторону ромеев» (τὰ Ῥωμαίων ἐφρόνησε) ¹⁷. Но Малингудис как будто не сомневался, что Георгий Войтех — болгарин (?). Провозглашенный составшими царем Болгарии Бодин после занятия им Ниша «держался уже как царь болгарских районов, опустошая все на пути, истребляя и разоряя не признающих его и не покоряющихся ему» ¹⁸. И здесь, на мой взгляд, имеются в виду не только ромеи, но и знатные болгары, враждебные восставшим (хотя, по логике автора, их в таком случае следует считать только ромеями).

Гораздо сложнее вопрос об участии в борьбе против византийского господства богомилов. В своей книге по истории этой эпохи я подчеркивал, что данных, бесспорно свидетельствующих о таком участии, источники не содержат ¹⁹. Однако было бы неверно, на мой взгляд, решительно отвергать такую возможность. Не исключает этого и Малингудис: «Сопротивление богомилов преследующим их представителям императора исключать, следовательно, было бы нельзя» (с. 65). Но автор подчеркивает чисто богословский, антицерковный аспект движения еретиков, которое не могло быть ни «националистическим», ни «антивизантийским». Малингудис повторяет при этом ничего общего не имеющие с действительностью обвине-

¹⁵ Именно поэтому я сделал не правящееся Малингудису заключение, что между местной и греческой знатю укрепилась связь и это, как и усиление гнета, свидетельствовало о росте силы и значения болгарской аристократии, т. е. об углублении процесса развития феодальных отношений; см.: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 409).

¹⁶ Τσολάκης Εὐδ. Θ. Ἡ συνέχεια τῆς χρονολογίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλιτῆ. Θεσσαλονίκη, 1968, σελ. 165.5.

¹⁷ Ibid., p. 166.10.

¹⁸ Ibid., p. 164.24—26.

¹⁹ См.: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 395, прим. 37; с. 461, прим. 100.

ния западных и американских историков в адрес марксистской историографии, что она якобы изображает еретиков средневековья как «пролетарских революционеров», борцов за «национальное освобождение» (с. 66—67). Добавлю, что в литературе, на которую как на авторитет при этом ссылается автор, утверждается, что, по мнению марксистов, еретики представляли «пролетарское движение» (являлись «коммунистами средневековья», составляли «крестьянский пролетариат!»). В ответ на это можно сказать лишь о поразительной предвзятости и недобросовестности таких пересказчиков сущности марксистской концепции средневековых богословских ересей.

Все это — свидетельство слабого знакомства с марксистской *специальной* литературой, в которой нет и не может быть ни подобных утверждений, ни тем более подобной грубо-модернистской терминологии. Однако здесь не место поднимать большой и сложный вопрос о социальной сущности еретических средневековых движений. Отмечу только, что и по моим представлениям сама по себе богомильская ересь не содержала в себе непосредственно никакой определенной программы переустройства мира социальной несправедливости или идеи возрождения болгарской государственности. Строго говоря, такого рода цели принципиально противоречили бы (как и личное участие в протии крови) их религиозной доктрине: мир «зла» — мир дьявола улучшить было невозможно. Спасение объяснялось тем более вероятным, чем основательнее рвались все узы, связывающие человека с материальным миром. Но само спасение было возможно лишь после победы сил «добра», в потустороннем мире, после гибели телесного мира.

Сила богомилства состояла не в позитивных идеях, а в отрицании существующих социальных порядков. И более всего на угнетенных (в том числе на недовольных византийским господством болгар) должна была действовать не еретическая теософия и космогония, а отрицание богомолами официальной церкви и государства. Многие не ведают, писал о богомилах Козма Пресвитер, что они внимают речам еретика-богомила, и верят, что их преследуют «за правду»²⁰. А учили эти, вызывавшие сочувствие и доверие простых людей подвижники не делать как раз того, что отягчало жизнь поселян — не трудиться для господ, не работать на царя и его служителей и т. п. Именно потому церковь и государство так преследовали еретиков, что их влияние приобретало социальное значение, побуждая простой народ к неповиновению, а не потому, что «сектанты» губили души и вовлекали в секту отнюдь не широкий круг лиц, обставляя при этом прием нелегкими условиями.

Д. Оболенский, на которого как на своего союзника ссылается в данном вопросе Малингудис, пишет между прочим в той же самой работе, что в условиях, когда интересы церкви и государства были тесно связаны, выступления богомилов против церкви являлись одновременно выступлениями и против государства, против светских законов и утвердившегося в обществе порядка, что в то время, как церковь проповедовала повиновение земной власти, еретики призывали к «гражданскому неповиновению» ей²¹. Малингудис ставит под сомнение данные о деятельности еретиков в Болгарии в XI—XII вв. Но богомилы занимали враждебную позицию еще по отношению к Болгарскому царству во время царя Петра. Трудно допустить, что их позиция в корне переменилась, когда установилась власть империи, власть Константинополя, где, по их представлениям, поселился сам дьявол.

О том, что эти религиозные сектанты-фанатики были отнюдь не безопасны для государства, свидетельствует Анна Комнина, обладавшая, не-

²⁰ Бегунов Ю. К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 327.

²¹ Obolensky D. The Bogomils. A Study in Balkan Neo-manichaeism. Cambridge, 1948, p. 136—138.

сомненно, гораздо более основательным знанием эпохи, чем это доступно нам. Рассказав о еретиках-армянах, богомилах и павликианах Филиппополя и его округи, она заключает, что «в отношении догматов они различаются, но все они согласны в восстаниях с манихеями»²². Богомилы не могли призывать, как я полагаю, к возрождению Болгарского государства. Но они выступали против государственной власти, которая в то время была властью империи, и объективно, следовательно, содействовали борьбе за освобождение от иноземного господства. Если они не брали сами в руки оружия, то призывали к неповиновению. Трудно сказать, что было важнее в конкретных условиях.

Не менее сложен и вопрос о так называемой «ромеизации», в котором Малингудис не согласен с историками Болгарии и со мною. Думаю, что подход автора в данном случае должен был быть более дифференцированным. Как я уже отметил выше, я считаю верным вывод об отсутствии в официальном правительственном курсе империи в Болгарии целенаправленной системы мероприятий по эллинизации этих районов. Но одно дело — отсутствие такого курса, другое — реально сложившаяся ситуация. В своей книге я именно это и старался подчеркнуть, говоря, что объективно, на практике, деятельность в Болгарии византийских властей (чиновники были, как правило, греками), церкви (с 30-х годов XI в. средние и высшие церковные посты были в руках греков), господство греческого языка в официальной жизни общества, пренебрежение к местной культуре и и т. п. — все это в конечном итоге содействовало ассимиляционным процессам, все это обусловило упадок славянской культуры в Болгарии в эпоху византийского господства²³. Поддержка государственной властью развития отечественной культуры, письменности и литературы на языке, который одновременно является официальным языком церкви и светской власти, была, несомненно, важным стимулирующим фактором. И такого фактора в Болгарии 1018—1185 гг. не было. Это — непреложный факт. Развитие культуры здесь, вне всякого сомнения, хотя и не прервалось (а обратно никто и не утверждал), но замедлилось. Я полностью согласен с тем положением А. Достала, которое Малингудис цитирует в опровержение точек зрения В. Златарского и Г. Литаврина: «Итак, можно констатировать, базируясь на факте появления славянских рукописей в эту эпоху, что развитие культуры и славянской литературы отнюдь не прервалось под византийским господством, хотя и не пользовалось особой поддержкой» (с. 68).

Что касается вопроса о так называемом «национальном чувстве», решительно отвергаемом автором для той эпохи, то буду предельно краток, поскольку по этому поводу мне уже довелось говорить не столь давно и неоднократно²⁴. Не было ни у болгар, ни у греков той поры национального чувства, но было чувство этническое, соответствовавшее степени консолидации этнической общности того времени. Человеку любой эпохи было свойственно чувство (при всей специфике его содержания на каждом этапе истории) принадлежности к данной, породившей его этнической общности — в противном случае не существовало бы не только наций, но и племен, союзов племен и средневековых народностей. Разумеется, византийцы негреческого происхождения, прожившие многие столетия в лоне одной церкви и одной власти (если они не ассимилирова-

²² *Anne Comnène. Alexiade (règne de l'empereur Alexis I Comnène 1081—1118), texte établi et traduit par B. Leib, t. III. Paris, 1945, p. 99.*

²³ *Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 363—374.*

²⁴ См.: *Litavrin G. G. Le problème de la symbiose dans les Etats latins formés sur les territoire byzantins: phénomènes sociaux, économiques, religieux et culturels. — In: XVe Congrès International d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976, p. 14—18; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 163 сл.; Он же. Этническое самосознание славян в VII—X вв. (К проблеме формирования раннефеодальных народностей). — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. М., 1978, с. 241 сл.*

лись полностью²⁵), признавали себя также и «ромеями» — представителями и подданными «единственной» подлинной империи. Но в этническом отношении и их сознание (во всяком случае, уже с X в.) было иерархичным. Независимо от того, кем считал себя Борис-Давид, в целом в XI—XII в. традиции своей, болгарской (в том числе народной) культуры, особая письменность, историческая память, специфика жизненного уклада и повседневного быта, свой язык, нравы и обычаи не дали болгарам забыть в период 1018—1185 гг., что они — болгары. Именно это и проявилось в ходе восстаний 1040, 1072 и 1186 гг. Сами византийцы-греки — в том, что касается собственно этнического чувства — также не составляли исключения. Как бы ни расценивать деятельность Феофилакта Болгарского, но и он называл болгар «издевающимися над нами иноплеменниками»²⁶. Думаю, что от этого вопроса нельзя избавиться простой ссылкой на то, что наций в современном смысле тогда не было.

Переходя к вопросу о волнениях населения Паристриона в 1072—1073 гг. и о восстании воинов в городах по Дунаю, Малингудис сосредоточил свое внимание главным образом на проблеме влахов, времени их поселения здесь и формах политической жизни. Автор считает, что бесспорные данные о владшском населении в Паристрионе относятся лишь ко времени столетием позже, хотя «как возможность» этого нельзя исключать и для последних 40 лет XI в. Что же касается идей современной румынской историографии, что уже в недрах Первого Болгарского царства и затем в XI в. в Паристрионе появлялись прогосударственные владшские объединения, то греческий ученый считает эти заключения совершенно лишены опоры источников (с. 70, прим. 55; с. 71).

Мне кажется, что ссылки на М. Дьони об отсутствии прямых данных от конца XI в. о владхах в Паристрионе не совсем правомерны — более уместны они при трактовке вопроса о времени поселения владхов на севере от Дуная (следствие континуитета или миграции). Едва ли владхи, заселяя Балканы с севера, как считает Малингудис, абсолютно пренебрегали нижним правобережным Подунавьем. Выше мы отмечали, что сам автор готов допустить, что в 60-х годах XI в. владхи Фессалии пасли летом свой стада на Геме. Считаю достаточно определенными на этот счет свидетельства Анны Комнины: вторгшиеся через Дунай в начале 90-х годов этого века куманы «узнали от владхов тропы через ущелья и легко перешли Зиг»²⁷. Иными словами, эти владхи северных предгорий Балканского хребта были здесь уже старожилами²⁸.

Со второй главы («Восстание Асенидов. Ход войны против Византии: 1186—1190 гг.») автор приступает непосредственно к теме своей работы, решая в основном следующие вопросы: причины восстания, место его начала, степень участия в восстании широких слоев населения и датировка основных этапов войны Асенидов с Византией.

Малингудис подчеркивает экономические причины восстания: дополнительный побор скотом под предлогом свадьбы Исаака II и Маргариты Венгерской. Местом начала восстания он считает Балканский хребет, поскольку все известия Хониата, по мнению автора, связанные с начальным периодом восстания, относятся к Гему, а не к Тырнову. Под восставшими ученый понимает и болгар и владхов, решительно отвергая предпринимавшиеся в историографии попытки приписать при этом глав-

²⁵ См., например, выводы П. Хараниса и Сп. Вриониса об упорном сохранении армянами империи VIII—XIII вв. своей этнической индивидуальности (*Charanis P. The Armenians in the Byzantine Empire*. — BS, 1961, 22, p. 235, 238; *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenisme in Asia Minor*. Berkley and Los Angeles, 1971, p. 67).

²⁶ PG, t. 126, col. 433 D, 436 A.

²⁷ См.: Анна Комнина. Алексиада/Вступ. статья, пер. комм. Я. Н. Любарского. М., 1965, с. 268.

²⁸ Об этом см.: Литаверин Г. Г. Владхи византийских источников, с. 100.

ную роль влахам. Целью Асенидов он называет не только освобождение Паристриона, но и других земель, входивших некогда в Болгарию (с. 73—77).

Решению спорных вопросов хронологии событий, связанных с восстанием, Малингудис уделяет особенно большое внимание. Наименее обоснованной он считает датировку начала восстания 1185-м годом. Нанесенное Асенидам оскорбление на аудиенции у Исаака II автор относит ко времени вскоре после битвы с норманнами 7 ноября 1185 г., мир с венграми, договор о брачном союзе и реквизицию скота у болгар — к ноябрю-декабрю, свадьбу Исаака II — к самому концу 1185 или к январю-февралю 1186 г., восстание — к весне 1186 г.

Справедливо отмечая, что датировка первого и второго походов Исаака II против восставших зависит от датировки мятежа Алексея Враны (с. 115), в данной главе автор, не вдаваясь в аргументацию (этому специально посвящена 7-я глава), датирует первый поход летом 1186 г. Хотя отправление в поход самого императора и неспособность византийских гарнизонов в Паристрионе «восстановить порядок» свидетельствовали о слабости позиций империи в это время в данной провинции, василевс, перейдя Гем, «легко рассеял» восставших, и их предводители бежали за Дунай, чтобы «искать защиты» у половцев (с. 76).

Действия против вернувшихся вскоре с половецкими полчищами Асенидов, разорвавших Северную Фракию, император доверил своим военачальникам (сначала севастократу Иоанну, затем Иоанну Кантакузину и, наконец, Алексею Вране) вместо того, чтобы «снова» (πάλιν), как говорит Никита Хониат) выступить в поход самому. Эти события Малингудис датирует осенью 1186 — началом следующего года.

Мятеж Враны, по мнению Малингудиса, имел место весной 1187 г., и после его подавления, осенью этого года, император отправился в свой второй поход, который был в целом неудачным: Исаак II действовал против половцев, болгар и влахов лишь в Северной Фракии, в предгорьях Гема, и его успехи были очень скромными.

Весной 1188 г. исследователь датирует третий поход, когда Исаак II вторгся в Паристрион из района Софии, три месяца бесплодно осаждал Ловеч и ушел, не добившись серьезных результатов. Последовало еще большее «ухудшение положения дел» (через балканские земли империи почти в течение года, с лета 1189 до весны 1190 г. проходили войска крестоносцев во главе с далеко не дружественно настроенным к Константинополю Фридрихом Барбароссой).

Летом 1190 г. датируется, наконец, последний поход императора в Паристрион, когда Исаак II обнаружил крепости и города болгар и влахов хорошо укрепленными, а население — готовым к более решительному сопротивлению войскам императора. Два месяца осады Тырнова не привели к успеху. При слухе о подходе половцев на помощь Асенидам Исаак II начал поспешное отступление, допустив при этом грубый просчет: он повел войско через ущелье, где болгары и влахи получили «легкую возможность» устроить византийцам «кровавую баню» (с. 80).

Именно это событие Малингудис и рассматривает как поворотный пункт в борьбе империи с Асенидами: «Византия, — пишет он, — должна была отныне бороться не с восставшими, а с населением, которое решилось на защиту территории, которую оно считало теперь своей собственной» (с. 84). Уже эта фраза позволяет судить о том, каково мнение автора о роли самого болгарского и влашского населения в событиях до 1190 г., но целесообразно вернуться к этому несколько позже.

Новой в данной главе является мысль о том, что Тырнов не был с самого начала опорным пунктом восставших, которые сперва держались будто бы только в горах и были немногочисленны — не случайно автор говорит о восстании «пастушеского населения» (Hirtenbevölkerung — с. 58) или даже «кучки пастухов» (с. 56). Оба эти утверждения представляются

мало обоснованными. Тырнов играл, видимо, важную роль уже в начале движения, этот хорошо укрепленный Асенидами город в 1190 г. не могла взять императорская регулярная армия. Не считаю я доказанным и то, что скот отбирали только у пастухов Гема, отчего именно они и восстали.

Что касается идеи автора отказаться в пользу 1190 г. от датировки начала Второго Болгарского царства 1187-м годом, то целесообразнее также высказать свое мнение об этом несколько ниже.

Я согласен с основательностью аргументов автора, датировавшего начало открытого вооруженного восстания не концом 1185, а началом 1186 г. Но начало народных волнений в Болгарии связывают все-таки и Никита Хониат, и Акрополит с реквизицией скота у населения Паристриона, а это происходило, как признает сам Малингудис, в конце 1185 г. К весне, по всей вероятности, Петру и Асеню удалось лишь придать этим волнениям характер организованного выступления²⁹.

Третья глава монографии — «Происхождение Асенидов», причем имеется в виду именно этническое происхождение (с. 83—88). Автор подтверждает в этой главе новыми аргументами следующие выводы, которые уже делались в историографии и которые мне представляются справедливыми: 1) что братья Асень и Петр принадлежали к богатой и социально видной верхушке местного общества в Паристрионе; 2) что они несли какую-то службу царскому двору, связанную с поставками боевых коней, и в силу этого имели право на аудиенцию у императора; 3) что половцы, жившие в XII в. в пределах империи, постепенно переходили к оседлому образу жизни.

Малингудис отдает предпочтение болгаро-половецкой теории происхождения братьев. Основными доводами в пользу этого он считает, во-первых, имя «Асень» (Асан, а также Белгун), встречающееся именно у половцев в этот период³⁰, и, во-вторых, тот факт, что Робер де Клари говорит об Асене как о «пастухе коней» императора (разведение же коней автор считает исключительным видом скотоводства у половцев). Указывает также Малингудис на то, что сын сестры Асеня и Петра, Борил, впоследствии царь Болгарии, также носил половецкое имя. Можно было бы указать и на матримониальные связи братьев с половцами. Доводы эти в науке не считают бесспорными, но опровергать мнение Малингудиса в данном случае нет никакой необходимости.

Следовало бы все-таки отметить, что в отличие от случая с Давидом-Борисом, здесь автор склонен придавать иноязычному происхождению имени чрезвычайно важное значение, хотя, казалось бы, и эти «полу-половцы» — слуги императора, христианизированные, несомненно, и входившие в состав «византийской аристократии». Всего этого, однако, оказалось недостаточным для полной перестройки их этнического самосознания.

В связи с этим я мог бы лишь повторить свое утверждение, сделанное более двух десятилетий назад: «Проблема происхождения самих Петра и Асеня (решение которой при современном состоянии источников не может быть бесспорно) отняла у историков, на наш взгляд, больше сил и внимания, чем она того заслуживает. Кем бы они ни были — болгарами, влахами, куманами или русскими, — они должны были быть тесно связаны с местным населением и выражать, по крайней мере на первом этапе освободительного движения, общие интересы борьбы с иноземным господством»³¹.

²⁹ Об этом см.: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 440 сл.

³⁰ Кстати говоря, имя «Борис» как тюркское может быть увязано и с протоболгарами, а оно встречалось на Балканах и в XI и в XII вв.; с другой стороны, имя «Асан» было известно не только среди половцев, но и у других тюркских народов того же и более раннего времени. См.: *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*. Berlin, 1958, Bd. 2, S. 72 f., 96.

³¹ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 433.

Логика изложения в этой главе монографии такова, что «куманское происхождение» Асены и Петра у автора обретает особое значение ввиду их союза с куманами в борьбе в Византией. Вполне возможно, этот фактор (если только братья действительно — полукуманы) мог способствовать заключению упомянутого союза, но нельзя исключить и того, что союз с куманами состоялся вне какой-либо зависимости от этнического происхождения братьев.

Представляется упущением, что Малингудис никак не комментировал свое заключение на с. 88—89: «Этническая принадлежность второго из двух братьев, который (до переименования при коронации. — Г. Л.), согласно «Синодику царя Борила», именовался Феодором, была в соответствии с современными византийскими источниками славянской». Было бы излишним приводить здесь свидетельства и византийских и славянских авторов о том, что братья были родными, и единокровными, и единоутробными.

Более важным мне представляется вопрос о том, чего хотели добиться братья от императора, получив у него аудиенцию в Кипселлах. Никита Хониат пишет, что они домогались у императора зачисления их в «ромейское войско» и передачи им «малоadoходного *χωρίον*», лежащего на Геме³². Малингудис пишет, что осторожнее не усматривать здесь непременно указания на желание братьев получить именно пронию (хотя в сочетании с просьбой знатных лиц зачислить их в войско эта гипотеза представляется наиболее вероятной)³³. Не буду настаивать на обратном — действительно, это «было бы осторожнее». Но не могу согласиться с переводом у автора слова *χωρίον*. Оно может в данном случае означать только «деревня», «сельский населенный пункт», как это и имеет место в большинстве дарственных актов того времени. О каком «кусочке земли», «дарении земли» могли говорить с императором знатные «пастухи коней», в распоряжении которых были обширные пастбища Паристриона? Они хотели иметь, как я это понимаю, землю с зависимыми париками, т. е. деревню.

Особый интерес представляет 4-я глава «Несколько замечаний о «влахах» Никиты Хониата» (с. 89—100). Малингудис касается здесь спорной проблемы происхождения владов, ареала и времени их расселения на Балканах, а также вопроса об их роли в образовании Второго Болгарского царства.

Сравнительно с концепцией венгерского ученого М. Дьони, работам которого автор дает высокую (и по большей части справедливую) оценку, Малингудис выступает в этой главе скорее как сторонник континуитета, чем приверженец миграционной теории происхождения владов, точнее — их появления на территории, входящей ныне в границы Румынии. Автор признает живую традицию латино-романского элемента на левобережье среднего и нижнего Дуная, непрерывно существовавшую со времен римской Дакии до изучаемого им периода. Более того, говоря о миграции владов, автор пишет об их переселении не с юга (т. е. с Балканского полуострова, из районов к югу от Дуная, как полагали «миграционисты») на север, в левобережные районы, а, напротив, с севера, из левобережья на юг от Дуная.

При этом Малингудис опирается на следующие доводы: во-первых, самый этникон «влахи» вошел в греческий язык, несомненно, как заимствование из славянского, а именно — из южнославянского, в котором уже исчезло полногласие и утвердилось неполногласие при сонорных «л» и «р» (т. е. произносилось «влах» вместо «волох» по типу: «злато» вместо «золото»). Согласно же изысканиям лингвистов, указанная фоне-

³² *Nicetae Choniatae Historia*. Berolini et Novi Eboraci, 1975, I (далее — *Nic. Chon.*), р. 396.

³³ Примечательно, что среди работ о проблеме пронии Малингудис не назвал ни одной советской, хотя более всего эта проблема обсуждалась именно в историографии Советского Союза.

тическая дифференциация в славянском языке датируется началом IX в. Поэтому, заключает Малингудис, влады появились в балканских провинциях Византии не ранее того же времени (первая половина IX в.). Вторых, в ранних памятниках, в которых упомянуты влады (Жития св. Мефодия, Повесть временных лет³⁴), они еще идентифицируются (след давней традиции) с «италийцами», а именно из Италии проник в I в. н. э. романский элемент в Подунавье. В-третьих, еще у Кекавмена (последняя треть XI в.) можно усмотреть указание на сохранение связей фессалийских владов с влахами Балканского хребта (я полагаю, что семьи владов Фессалии кочевали, скорее всего, не на Геме, а в Родопах и на Пинде). В-четвертых, наконец, в византийских источниках термин «влады» зафиксирован впервые только под 966 г. (автор имеет в виду сообщение Скилицы о влахах-«путниках», убивших комитопула Давида, брата Самуила, но это известие относится не к 966 г., а к 976—979 гг.³⁵).

Особенно серьезным мне представляется первый аргумент, хотя при упоминании о мнении лингвистов автор почему-то не дал ни одной ссылки на специальную литературу. В обоснование защищаемого Малингудисом тезиса можно было бы привести еще одно обстоятельство, на которое уже указывалось: в трех, совершенно независимых друг от друга документах (в Повести временных лет, в сочинении Кекавмена и в хронике венгерского анонима) место первоначального расселения владов неизменно связывается в Дунаем, Савой и Тиссой³⁶.

Не согласны мы с автором при всем этом, пожалуй, лишь в одном: недостаток известий о положении дел в Паристрионе — не аргумент для того, чтобы исключать до XII в. этот район из мест расселения владов и в IX—XI вв. (но об этом уже была речь выше). Это тем более непонятно, что в IX—X вв. в пределы Первого Болгарского царства входила полоса придунайских левобережных земель, что, несомненно, должно было облегчать передвижение подданных, в том числе владов, в пределах одного государства.

К выводам Малингудиса (точнее — к утверждениям в историографии, которые автор разделяет), не вызывающим у меня возражений, я отношу его заключение о том, что до конца XII в. (я сказал бы вместе с М. Дьони — до начала XIII столетия) термин «влады» в византийских источниках имеет прежде всего этническое содержание, а не равнозначен слову «пастух». Справедливо, на мой взгляд, мнение автора, что «мисьяне» Никиты Хониата означают и болгар и владов, как и вывод, что в восстании приняли участие и болгары и влады, но основанное Асенидами государство с самого начала было государством, несомненно, болгарским (с. 93—100). Что же касается вопроса о том, кто из них (болгары или влады) составлял основную силу восставших и сыграл главную роль, то его Малингудис относит к числу неразрешимых, и Никита Хониат, по заключению исследователя, не дает на этот счет никаких определенных свидетельств. Предлагавшиеся однозначные решения дилеммы несостоятельны, так как не было самой дилеммы: основной роли не сыграли ни болгары, ни влады. Предвосхищая свой вывод, Малингудис пишет, что этот вопрос «для изучения факторов, которые привели к успеху восстания, не имеет значения. После всего того, что мы знаем о роли куманов, участие и болгар и владов — безразлично — предстает как мало повлиявшее на военные мероприятия Петра и Асеня» (с. 99—100).

³⁴ Автору неизвестна статья В. Д. Корольюка об этом (Влады и славяне русской летописи), как и упоминавшаяся моя статья («Влады византийских источников. . .»), хотя он и ссылается на историографический обзор Л. Л. Полевого, опубликованный в том же сборнике (Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 46—91).

³⁵ *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. София, 1971, т. I, ч. 2, с. 615—619.

³⁶ *Литаарин Г. Г.* Влады византийских источников, с. 137—138.

К обоснованию этой давно высказывавшейся в историографии идеи автор обращается в самой краткой по объему 5-й главе («Роль куманов» — с. 101—105), поскольку вопрос кажется ему вполне ясным.

В начале главы Малингудис дает краткий очерк истории половцев. При этом несколько противоречиво выглядит датировка автором первых контактов куманов с Русью и Византией. Балканского хребта (т. е. района в глубине земель империи), пишет он, половцы достигли в конце XI в. и вскоре, 29 апреля 1091 г., в битве с печенегами при Левунионе помогли (а по сути сыграли главную роль) в разгроме врагов Алексею I Комнину. Вместе с тем, по словам Малингудиса, «на границах Руси и Византии» они появились лишь в «следующей половине века» (с. 102). Но половцы поддержали Лжедигена против Алексея I едва через три-четыре года после битвы при Левунионе, в 1114—1115 гг. состоялся их набег на земли Северной Македонии, вторгались они в Паристрион и в следующие десятилетия³⁷. Что же касается русских земель, то первые свои набеги на них половцы совершали уже в 1062 г., а в следующем их нашествие должно было отражать ополчение из горожан самого Киева³⁸.

Автор говорит о важности наблюдений Д. Расовского, установившего, что близ Дуная и на Балканах половцы появлялись только в холодный сезон, с октября по апрель; в теплое время их кочевья передвигались вместе с табунами коней³⁹ далеко к северу и северо-востоку, к границам Руси. Следовательно, и помогать Асенидам они могли лишь в период с октября до апреля-мая.

По мнению Малингудиса, все решающие битвы с имперскими войсками были выиграны Асенидами благодаря помощи куманов. Летом 1186 г. император, в сущности, не встретил сопротивления, и лишь беззаботность помещала ему упрочить позиции империи в Паристрионе. Неудача похода 1187 г. может быть объяснена, по мнению автора, действиями союзных Асенидам половцев, применивших непривычную для византийцев тактику. Во время похода 1188 г. император также не встретил войск Асенидов — источники не сообщают о каком-либо сражении с врагом в открытом поле. Поражение в балканских ущельях в 1190 г. автор приписывает лишь тактической ошибке Исаака II.

Я считаю эту аргументацию недостаточной и мало объективной. Прежде всего летом 1186 г. восставший народ еще не был хорошо организован и хорошо вооружен. Императорская регулярная армия вторглась к тому же в период жатвы, в крайне неблагоприятный для восставших момент. Но и при этих условиях Исаак II встретил серьезное сопротивление у горных проходов, и только выход по горным тропам в тыл повстанцам принудил их к отступлению. Описывая борьбу с Асенидами («болгарами и влахами», как неоднократно говорится в источнике), Никита Хониат упоминает не только о половцах и их тактике, но и о стратегическом таланте Асеня, маневры которого привели к раздроблению войск императора и утрате контроля за ходом событий.

Летом 1188 г. куманов не было в Паристрионе, и тем не менее Исаак II не добился никаких успехов в деле восстановления власти империи в провинции и не смог взять отнюдь не первоклассную крепость Ловеч, несмотря на трехмесячную осаду. То же самое следует сказать и о походе 1190 г. Императору не могло не быть известно, что в октябре вновь появятся союзные Асенидам половцы. Следовательно, если принять во внимание логику автора, император рассчитывал достигнуть решительного поворота в борьбе до этого срока. Почему же он не добился этого? Ответ, по нашему мнению, может быть только один: планы Исаака II были

³⁷ См.: *Литаевин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 421—422 сл.

³⁸ Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, ч. 1, с. 174.

³⁹ Автор считает, что половцы разводили только коней; ср.: Очерки истории СССР. IX—XIII вв., ч. 1, с. 202: они имели также верблюдов, быков, коров.

сорваны болгарами и влахами, хотя их в это время не поддерживали половцы.

Совершенно необоснованным мне представляется мнение автора, что его заключения о роли половцев позволяют будто бы сделать вывод о «незначительности» участия болгарских и влашских повстанцев даже в том случае, если согласиться называть это движение «крупным народным и крестьянским восстанием» (с. 104). Вряд ли методологически справедливо утверждение, что если бы не половцы, то «предприятие» Петра и Асеня не завершилось бы успехом (с. 105).

Конечно, успех восстания был обусловлен и тем кризисом, внутренним и внешним, который переживала империя, и помощью половцев. Но главная причина успеха состояла не в этом, а в массовости движения за освобождение страны. Войны такого рода выигрываются не только в прямом столкновении войск, но и благодаря постоянной поддержке населения, пополнявшего поредевшие отряды повстанцев, снабжавшего свои воинские силы продовольствием и оружием, укреплявшего крепости и города, выполнявшего роль разведывательной службы, создавшего всевозможные неудобства на пути движения враждебного войска, изматывавшего его силы бесчисленными и постоянными, хотя и мелкими, атаками, и т. п. Малингудис сам пишет о том, что Асень и Петр применяли тактику «партизанской войны» (с. 76). Но то, что я только что перечислил, и есть отдельные стороны такого рода войны.

Автор неоднократно и совершенно справедливо предостерегает против опасности предвзятых положений и беспочвенных спекуляций. Но этой опасности не избегает и он, решительно отрицая роль народа в деле своего освобождения от иноземного господства и в возрождении собственного, «национального» государства.

Дело отнюдь даже не в «необычности воинской тактики» половцев. Эта тактика — ординарная для кочевых народов и было издревле хорошо известна византийцам, не один раз описавшим ее в «стратегиконах». Да и в самих имперских войсках X—XII вв. имелись воинские контингенты из кочевников. Ссылка на тактику куманов — не аргумент.

Дело в том, что в самой «Истории» Никиты Хониата о колебаниях части населения упоминается лишь для начального периода восстания, когда люди боялись «грандиозности дела», затем же говорится, что «весь народ» склонился к восстанию, «все вооружились», что борьбу с имперскими войсками вели «болгары и влахи»⁴⁰. Что же касается пастухов или «кучки пастухов», как заметил Малингудис, в качестве единственных соратников Петра и Асеня, то об этом в источниках нет ни слова. Это заключение — лишь логическое следствие вывода автора о том, что восстание вспыхнуло на Геме и что на равнинах Паристриона император не встречал вооруженного сопротивления.

По моему мнению, автору не удалось достаточно убедительно обосновать свою мысль, что «решительный поворот» нужно датировать не 1187, а 1190-м годом. Говоря о походе Исаака II в 1190 г., Хониат пишет не о том, что лишь тогда народ поднялся на борьбу, а о том, что население укрепило города и крепости (использовав для этого, несомненно, передышку в 1189 г.) и почувствовало себя уверенным. Согласно смыслу свидетельства Никиты, «своими» болгары и влахи стали считать освобожденные земли не после провала похода 1190 г., а значительно раньше (по моему мнению, уже после неудач Исаака II в 1187 г.).

Особенно интересной представляется 6-я глава («Собрание одержимых» — с. 107—112), в которой автор рассматривает сообщение Никиты о собрании, видимо, в феврале 1186 г. в церкви, построенной Петром и Асением во имя св. Димитрия, в канун открытого выступления. На этом собрании, по словам хрониста, некие «одержимые демонами» из того и другого на-

⁴⁰ Nic. Chon., p. 371.

рода, т. е. из болгар и владх, приведенные сюда братьями-зачинщиками, иступленно призвали собравшихся оставить сомнения и решительно выступить на борьбу. Они говорили, что сам бог и св. Димитрий благословляют борьбу за освобождение от власти империи, — в результате весь народ согласился взяться за оружие ⁴¹.

Малингудис ставит под сомнение это известие Хониата. По его мнению, собрание, о котором более не сообщает ни один источник, — литературный вымысел средневекового автора, сделанный в духе того времени. У Федора Скутариота, пересказавшего данное место Никиты позднее, эти «одержимые» названы ἀσθενάρια, что парэтимологически равнозначно ἀνασθενάρια (народное νεστινάρια, на болгарском — нестинарство). Следовательно, заключает Малингудис, Хониат описал здесь древний обычай на Балканах — ходить по раскаленным углям во время празднования дня святого — «хранителя» данного населенного пункта. Этот обычай был усвоен болгарам от автохтонов (фракийцев) и сохранен до XX столетия. Известно, что Никита Хониат некоторое время был правителем Филиппополя и в этой феме мог наблюдать указанный обычай. Включил же он его в свое описание лишь с целью оживить изложение. Иными словами, сцена, нарисованная Никитой, к известиям о воостании болгар и владх не имеет никакого отношения: «собрание» возникло лишь под пером хрониста (с. 75, 108. 111—112).

Трактовка сообщения Никиты как древнейшего сообщения о сохранившемся среди болгар обычае нестинарства, несомненно, весьма ценна и интересна. Я считаю этот вывод Малингудиса серьезной научной находкой. Но мне осталось неясным, почему данное заключение непременно предполагает признание недостоверным самого факта собрания представителей болгар и владх с целью обсуждения вопроса о восстании. Действительно, Никита мог приукрасить обстоятельства и формы проведения такого собрания, перенеся при этом на Гем тот обряд, который он видел под Филиппополем. Но почему подобная изобразительная вольность должна вызывать сомнение в возможности усмотреть в известии хрониста указание на совещание повстанцев? Сплошь и рядом в византийских памятниках при сообщениях о восстаниях и «мятежах» рассказывается о предварительном собрании зачинщиков. Накануне упомянутого восстания 1066 г. состоялось несколько таких совещаний, в том числе одно в доме Веривоя Влаха; в канун восстания 1072 г. во главе с Георгием Войтехом имело место собрание видных лиц Скопье, на котором было решено просить у сербского князя Михаила его сына Бодина как царя Болгарии.

Разумеется, сомнительно, чтобы на собрание в церкви пришло очень много народа. Маловероятно, может быть, и участие в нем «бесноватых». Но самый факт собрания, в соответствии со свидетельством Никиты, я считаю достоверным, — без собрания перед восстанием братья попросту не могли обойтись. Вполне правдоподобным я считаю также сообщение о построенной Петром и Асеном церкви св. Димитрия, будь то в Тырнове или в каком-либо поселении на Геме. Привез же из первого похода против восставших, согласно сообщению Феодора Вальсамона, Исаак II икону св. Димитрия, захваченную в «доме Славопетра» (с. 88, прим. 115) ⁴².

Никто из современников, кроме Никиты Хониата, не сообщает о собрании болгар и владх, подчеркивает Малингудис. Но исторических фактов средневековой эпохи, о которых науке известно лишь из одного источника, великое множество. О собрании в доме Веривоя и собрании

⁴¹ Nic. Chon., p. 371.

⁴² О значении культа св. Димитрия в событиях 1186—1190 гг. см. новую работу: Tapkova-Zaimova V. Quelques représentations iconographiques de saint Démétrius et l'insurrection des Assénides — première scission dans son culte «oecuménique». — Byzantinobulgarica, 1978, 5, p. 261—267.

в Скопье в 1072 г. известия также уникальны, но ни один исследователь, насколько мне известно, не поставил их под сомнение только на этом основании.

Кстати говоря, неправомерно и название главы — «Собрание одержимых». Там были не одни одержимые и даже главным образом не одержимые. Считаю возможным скорее предположить, что царедворец Никита карикатурно и явно намеренно изобразил в неблагоприятном свете горячих проповедников «отпадения» от империи. Даже в передаче этого хрониста, безусловно враждебного восставшим, содержание «выкриков» «бесноватых» вполне разумно: высказывания этих фанатично уверенных в поддержке дела восстания самим божественным провидением проповедников вполне соответствовали той ситуации, которая сложилась тогда в Паристрионе.

7-я глава («Датировка восстания» — с. 113—122) посвящена обоснованию, как упоминалось, датировки начала восстания весной 1186, а не концом 1185 г. Эта датировка представляется мне вполне убедительной. Аргументы автора при этом сводятся к следующему.

Хронология второго похода зависит от датировки мятежа Враны, ибо поход состоялся сразу после разгрома мятежников. Мятеж же нельзя отнести к весне 1186 г. (а так его датировали те, кто относил восстание к концу 1185 г.), так как имеются ясные свидетельства о том, что Врана при осаде Константинополя был убит Конрадом Монферратским. Но по достоверным данным, Конрад в марте 1187 г. был еще в Италии, а 15 июля (побывав по пути в столице империи) прибыл в Палестину. Следовательно, мятеж приходится на период между мартом и началом июля этого года, а действия трех полководцев против восставших (включая Врану) — на время с осени 1186 до весны 1187 г. Полководцам же этим Исаак II вверил войско после возвращения из первого похода летом 1186 г., вместо того, чтобы «снова» (πάλιν) самому возглавить свою армию. Восстание, таким образом, следует отнести к весне этого года. Попытку И. Дуйчева толковать слово πάλιν в смысле «иначе», «иным образом» автор справедливо отклоняет как неудачную (упомянутое толкование помогало И. Дуйчеву избежать противоречий, отнеся оба похода императора ко времени после мятежа Враны — к весне-лету 1186 г.; мятеж этот ученый датировал весной 1186 г.). Ту же дату начала восстания (весна 1186 г.) можно получить и при рассмотрении событий не в их ретроспективном, а, так сказать, «нормальном» течении. Но об этом я уже говорил выше.

Таким образом, как обосновывает автор, первый поход Исаака II состоялся до мятежа Враны, а второй — после подавления мятежа.

Имеются, однако, три свидетельства, противоречащие тщательно аргументируемой автором хронологии событий (дело в том, что датировка, поддерживаемая Малингудисом, была выдвинута задолго до его работы — в последнее время, в частности, как на это указывает автор, И. А. ван Дитеном, издателем «Истории» Никиты — с. 113—114 и прим.).

Во-первых, согласно сообщению брата Никиты Михаила Хониата, ставшего митрополитом Афин в 1182 г., только после подавления мятежа Враны состоялся *первый* поход императора. Малингудис с основанием замечает в связи с этим, что лучше обстоятельства дела должен был знать не афинский митрополит, а его брат, непосредственный участник описанных им событий.

Во-вторых, тот же Никита пишет, что во время осады Константинополя Враной произошло солнечное затмение. Согласно же астрономическим справочникам, на 22 марта и 21 апреля 1186 г. действительно приходились два солнечных затмения, на которые как на свой главный аргумент и ссылается И. Дуйчев. Однако Малингудис указывает на то, что эти затмения, согласно тем же справочникам, в Константинополе видны не были (Никита их наблюдать не мог). Он мог видеть затмение 14 сентября 1186 г., но тогда, по хронологии самого И. Дуйчева, Враны уже не

было в живых. Вывод Ф. Малингудиса, подкрепленный десятком примеров из разных частей «Истории» Никиты и иных византийских авторов, состоит в том, что описание разного рода небесных и других чудесных явлений у средневековых писателей обычно сопровождает рассказ о каких-либо важных событиях или предшествует такому рассказу. Явления эти толкуются как «знамения», и повествование о них выступает в роли выразительного литературного приема. Иными словами, свидетельство Никиты Хониата о затмении независимо от того, перенес ли он сентябрьское затмение 1186 г. на весну этого года или вообще измыслил «новое» затмение, не имеет значения сообщения о реальном историческом факте. Следовательно, и опираться на это сообщение при установлении хронологии событий по меньшей мере опрометчиво.

В-третьих, в надгробной речи Евфимия Торника на смерть логофета Димитрия Торника, датируемой 1185/86 г., говорится о том, что во втором своем походе император разгромил «варваров», спустившихся с круч Гема. И. Дуйчев опирался и на это известие, относя второй поход к осени 1186 г. Но это свидетельство, по мнению Малингудиса, подкрепляет, напротив, обосновываемую им хронологию, а не ту, которую отстаивает И. Дуйчев. Греческий исследователь указывает на то обстоятельство, что датировка речи Евфимия опирается на примерно установленную дату письма Михаила Хониата (1185—1186 гг.) Димитрию Торнику. Но И. Дуйчев не заметил, что в письме Михаила Димитрий обозначен как «ἐπὶ τοῦ χαλιχλείου», тогда как в речи Евфимия указывается на его должность «логофета». Следовательно, заключает Малингудис, речь Евфимия и описанные в ней события нужно относить к следующему, 1187 г., когда Димитрий, вероятно, и стал логофетом.

Считаю высказанные Малингудисом соображения вполне резонными: речь Евфимия, может быть, следует относить к 1187 г., как и упомянутый в ней второй поход Исаака II. Однако и аргументация автора в данном случае не бесспорна. Письмо Михаила Хониата датируется 1185—1186 гг., т. е. весьма приблизительно, и бывший «ἐπὶ τοῦ χαλιχλείου» Димитрий мог успеть в течение лета-осени 1186 г. и стать логофетом и умереть. Я не хочу тем самым поставить под сомнение датировку Малингудиса — мне хотелось лишь указать на излишнюю уверенность автора там, где источники допускают иное толкование.

Восьмая глава монографии — «Восстание Асенидов в зеркале болгарской и румынской историографии» (с. 123—129) — представляется мне инородной в несомненно серьезном, хотя и спорном исследовании Ф. Малингудиса. Ни по материалу, привлеченному к критическому рассмотрению в данной главе, ни по методу этого рассмотрения я не считаю ее репрезентативной и поэтому воздерживаюсь от ее комментирования.

Заключение к работе (с. 131—134), помимо концентрированного повторения уже изложенных выше выводов, содержит некоторые идеи, которые заслуживают особого разговора. В полемическом плане Малингудис высказывает здесь тезис о том, что восстание болгар и влахов в 1186 г. против византийского господства не может быть расценено как некая «закономерность» (*Gesetzmässigkeit*) (с. 131). Во время почти двухсотлетнего господства империи на болгарских землях, пишет автор, было много локальных восстаний, не приведших к победе, и «болгарские земли оставались воссоединенными с имперским сообществом» (или «союзом» — *Reichsverband* — с. 56 и 131). Основные причины успеха восстания Петра и Асеня автор усматривает не в торжестве некоей закономерности, а в случайном совпадении трех факторов: критическое положение империи, вмешательство половцев и целенаправленное руководство Асенидов. Их восстание, как и предыдущие, носили по преимуществу антиналоговый характер (т. е. вызывались экономическими причинами) и поэтому, говорит Малингудис, не могут рассматриваться как «антифеодальные». Настаивая на этом автор замечает, что он не боится обвинения в «буржуаз-

ной бесконцепционности» (bürgerliche Konzeptionslosigkeit — с. 132). Богомилство, продолжает он, нельзя расценивать как ответ на некую политику «денационализации», и оно не было феноменом идеологической «надстройки» (Überbau) восстания. Если оценивать события в категориях, соответствующих той эпохе, то, по мысли Малингудиса, следует признать, что целью восставших в 1186 г. было освобождение от власти империи и восстановление своего, Болгарского государства.

«Не боясь обвинения в буржуазном объективизме и нежелании широких обобщений», я также считаю, что непосредственной причиной этого и иных восстаний был экономический гнет, что империя переживала кризис и не имела достаточных сил для борьбы за Паристрион, что поддержка половцев содействовала успехам Петра и Асеня, а их умелое руководство и ясно поставленная цель воодушевляли восставших. Как и 20 лет назад, я не усматриваю в богомилстве идеологическую надстройку восстания 1186 г., которое, на мой взгляд, также не было непосредственным ответом на политику ромеизации.

Однако все это не дает оснований решительно отрицать закономерность образования Второго Болгарского царства. Мне представляется вообще свершение крупных исторических событий гораздо более закономерным, чем их несвершение. Ведь не были случайными ни гнет налогов, ни восстание, ни неудачи походов царя и т. п. Трудно счесть случайным и кризис империи: 800 лет византийцам удавалось отражать натиск врагов, порой одновременный на всех границах, а отныне делать это становилось почему-то все более трудно. Кризис, видимо, был закономерен, и империя не вышла из него вплоть до падения Константинополя в апреле 1204 г.

Не считаю я удачным и термин Reichsverband для обозначения Византийского государства. «Имперским сообществом» (имеется в виду — «союзом народов») империя не была никогда, хотя ее существование было вполне закономерно. Однако, к концу XII в. эта исторически сложившаяся форма правления и государственности изжила себя: империя уже не могла ни противостоять врагам, ни удерживать в повиновении подвластные ей народы, тяготевшие к выходу из состава империи и созданию независимых государств. Рассматривать ход этих событий как проявление определенной исторической закономерности, на мой взгляд, гораздо больше оснований, чем объявлять их результатом хаотического стечения роковых случайностей.

Прежде чем сделать общее заключение о работе Ф. Малингудиса, коротко остановлюсь на двух экскурсах-приложениях в ее конце. Сначала о втором экскурсе «Несколько „влашских“ имен у Никиты» (с. 139—140). Автор рассматривает здесь четыре имени (Добромир Хриз, Иванко, Митко и Шишман), которые неоднократно объявлялись в историографии «влашскими». Еще ранее в своей работе Малингудис подчеркивал, что при упоминании о влахах Никита Хониат дает им обычно славянские и куманские имена. От выводов на этот счет автор предпочитает воздерживаться, чтобы не дать повода для «спекуляций» (с. 94). В данном экскурсе он лишь констатирует, что первые три имени являются, безусловно, славянскими, а последнее — половецким. Я также воздержусь от каких-либо далеко идущих суждений, основанных на этих фактах.

В первом экскурсе рассматривается сообщение Никиты Хониата о том, что среди приведенных братьями из-за Дуная половцев осенью 1186 г. находились «те из Вордоны, которые презирают смерть, ветвь тавроскифов, народ, любезный Арею и помогавший варварам на Геме»⁴³. Первым, еще по рукописи, это место оценил и интерпретировал Ф. И. Успенский, который и высказал предположение, что Никита имеет в виду русских, так как византийцы именно их обычно называли тавроскифами. Этот же ученый указал на то, что «тавроскифы из Вордоны», скорее всего,

⁴³ *Nicetae Choniatae Orationes et epistulae*. Berolini et Novi Eboraci, 1972, p. 93.18—21.

идентичны упоминаемым другими источниками в левобережье Дуная «бродникам»⁴⁴.

Рассматривая это известие, Малингудис прежде всего отмечает, что, кроме Успенского, никто более не обратил на это известие внимания. Это ошибка: сообщение Никиты не раз использовалось в советской историографии⁴⁵. Совсем недавно интересные наблюдения над локализацией этникона «бродники» сделал В. П. Шушарин, указавший, что в латиноязычных грамотах Венгерского королевства места обитания бродников связываются обычно с южными предгорьями Карпат и это вполне согласуется с известием Никиты о тавроскифах из Вордоны⁴⁶.

Малингудис дает новую интерпретацию данному свидетельству, с которой, однако, я согласиться не могу. Он утверждает, что русских Никита Хониат называет обычно терминами «рос» и «скифы гиперборейские», а под «тавроскифами» имеет в виду другой народ, составляя в этом отношении исключение среди византийских авторов. Установив, что где-то в устье Дуная существовал топоним «Куманский брод», автор заключает, что там и обитали тавроскифы-бродники, а поскольку брод — «куманский», то и жившие здесь бродники — также куманы. В подтверждение этой догадки Малингудис ссылается на русскую летопись, согласно которой зимой 1187 г. киевский князь громил половецкие вежи у Днестра, когда половец-воины находились в походе на Дунай — поход этот был, считает автор, организован в помощь Асенидам, и в нем вновь могли принять участие куманы и бродники (но не с Дуная, а из Приднестровья) (с. 135—137).

Во-первых, совершенно не соответствует действительности заявление Малингудиса, что Хониат не называет русских тавроскифами: упоминая о «тавроскифах» в своей «Истории» 6 раз, он имеет в виду только русских⁴⁷. Во-вторых, бродники отмечены в Нижнем Подунавье не только после того, как их в 20-х годах XIII в. отбросили из мест к востоку от Днестра наступавшие татаро-монголы, а, видимо, ранее: к 1222 г. бродники — уже хорошо известные венграм соседи на востоке, у границ королевства. В-третьих, существование деревни (Dorf) «Куманский брод» и ее славянское название (как славянским было и само наименование — «бродники») говорит скорее в пользу славянского, а не половецкого по преимуществу происхождения бродников. В. П. Шушарин считает это наименование самоназванием, что было бы совершенно исключено, будь они куманами⁴⁸. В-четвертых, топонимы с корнем «брод» были широко распространены издревле, в том числе — в Словакии и Трансильвании, и были связаны как раз со славянским населением⁴⁹. В-пятых, наконец, как в латиноязычных грамотах, так и в «Истории» Никиты бродники четко отличаются от куманов — обстоятельство малопонятное, если бы они были только одним из половецких племен.

Все это заставляет меня по-прежнему считать гипотезу Ф. И. Успенского о «тавроскифах из Вордоны» как по преимуществу русских на сегодняшний день наиболее основательной.

Итак, теперь следует подвести общие итоги и дать окончательную оценку исследованию Ф. Малингудиса. К числу несомненных достоинств

⁴⁴ Успенский Ф. И. Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879, Приложение № 3, с. 35—39.

⁴⁵ См.: Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 456, прим. 80; Он же. Русь и Византия в XII в. — ВИ, 1972, № 7, с. 44, прим. 51; Котляр М. Ф. Русь на Дунае. — Украинский исторический журнал, 1966, № 9; Он же. Кто такие бродники (До проблемы виникнення козацтва). — Украинский исторический журнал, 1969, № 5; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 202—203.

⁴⁶ Шушарин В. П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII в. — История СССР, 1978, № 2, с. 39—43.

⁴⁷ Nic. Chop., р. 129.29—30; 312.1—4; 333.50—57; 347.39—40; 348.62—65.

⁴⁸ Шушарин В. П. Указ. соч., с. 42.

⁴⁹ Там же.

работы я бы отнес стремление автора разобраться в сложных и спорных проблемах истории болгарского народа в период византийского господства и в особенности его борьбы за возрождение своего государства в 1186—1190 гг., сохранив при этом научную объективность и не потеряв опоры на тщательно выверенные данные исторических источников. Плодотворной мне представляется и методическая позиция автора рассматривать свидетельства средневековых авторов, строго учитывая особенности их мировосприятия, обусловленные обстоятельствами места и времени их творчества, а также специфические нормы и каноны жанра исторического повествования, свойственные той далекой эпохе. ✕

Наиболее важными и достаточно обоснованными я считаю выводы Ф. Малингудиса о том, что главной целью восстаний на землях бывшего Болгарского государства в эпоху византийского господства было стремление к политической независимости от империи, к возрождению своего независимого государства. Я совершенно согласен с автором в том, что созданное в результате народно-освободительной борьбы, вспыхнувшей в 1186 г. в Паристрионе, государство было государством болгарским. Хронология событий 1186—1190 гг., тщательно обоснованная Ф. Малингудисом, представляется мне на сегодняшний день наиболее достоверной среди всех тех датировок, которые были предложены в современной историографии⁵⁰. Монография Малингудиса вызовет, несомненно, большой интерес среди специалистов, стимулирует научную дискуссию по одной из крупных проблем славяно-византийской истории XI—XII вв. и тем самым будет способствовать прогрессу исторических знаний об этой эпохе.

Вместе с тем, решая в своем исследовании некоторые «побочные задачи» (*Nebenaufgabe*), автор исходил из достаточно распространенных, к сожалению, на Западе и далеко не точных общих представлений об историографии социалистических стран в целом и поэтому не смог в ряде вопросов избежать той пристрастности при анализе исторических фактов, которую усматривал в трудах других ученых.

⁵⁰ Об этом же см.: *Zankova-Petkova G. La libération de la Bulgarie de la domination byzantine. — Byzantinobulgarica, 1978, 5, p. 96, 107 sq., 115 sq.* (к сожалению, статья Цанковой вышла в свет, когда данная работа находилась в печати, и мы не смогли в полной мере использовать труд болгарской исследовательницы).